

ЛУ ЯО
СУДЬБА

Яо Лу
Судьба

Международная издательская компания «Шанс»

1982

УДК 82.31(510)
ББК 84-44(5Кит)

Лу Я.

Судьба / Я. Лу — Международная издательская компания
«Шанс», 1982

ISBN 978-5-907015-39-5

Гао Цзялиню, талантливому юноше, нравилось работать деревенским учителем. Но однажды его уволили – чтобы освободить место для сына богатого крестьянина. К тяжелой работе в горах Цзялинь не привык. Бездельничать дома, пока старики-родители трудятся не разгибая спины, он тоже не мог. Тоску по жизни, полной интеллектуальных бесед и интересной работы, скрашивала только искренняя любовь Цяочжэнь, смелой и преданной девушки. Внезапно все изменилось: Цзялинь переехал в уездный город, стал известным корреспондентом и женихом обеспеченной красавицы. Однако юноша и не подозревал, какую шутку сыграет с ним жизнь. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31(510)
ББК 84-44(5Кит)

ISBN 978-5-907015-39-5

© Лу Я., 1982
© Международная издательская
компания «Шанс», 1982

Содержание

Слово автора к русскому изданию 1988 года	6
От переводчика	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лу Яо Судьба

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Перевод В. И. Семанова

Слово автора к русскому изданию 1988 года

Ваша замечательная литературная традиция оказала большое влияние на мою жизнь и творчество, поэтому я всегда питал особые чувства к вашей стране. Увидеть свою повесть в переводе на русский язык для меня большая честь. Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за это издательство «Молодая гвардия», которое хорошо известно в нашей стране. Многие китайские читатели знают, что именно в этом издательстве увидел свет знаменитый и очень дорогой для нас роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Вы можете догадаться, какие чувства я в связи с этим испытываю.

Лу Яо

От переводчика

С повестью Лу Яо «Судьба» (1982) я познакомился еще в Москве, до недавней поездки в Китай. Тогда было уже известно, что Лу Яо принадлежит к тем китайским писателям, которые вышли на литературную арену после «культурной революции». Повесть «Судьба» – его первое сравнительно крупное произведение, вызвавшее в Китае большой отклик. Она привлекала прежде всего тем, что рисовала и деревню, и город, отражала самые современные жизненные коллизии, хотя и прошлое порою делалось в ней предметом воспоминаний. Вокруг этой повести возникли споры как среди читателей, так и среди критиков, но в конце концов новый автор был признан и стал одним из лауреатов Всекитайского литературного конкурса 1983 года.

Потом я увидел фильм по повести Лу Яо, обошедший многие страны мира. Он был лиричен и красочен (особенно хорошо изображалась в нем деревенская свадьба), но все-таки уступал повести в раскрытии социальных конфликтов, например, в обрисовке отрицательных персонажей, в отражении жизни города. И, наконец, в Китае я встретился с самим Лу Яо: человеком очень простым и в то же время умным, вдумчивым; чуть старше, чем я себе представлял. Он уже заместитель председателя Союза писателей провинции Шэньси – одной из северных провинций, которые дали Китаю и всему миру такого замечательного прозаика, как Чжао Шули, известного в нашей стране рассказами «Женитьба молодого Эрхая», «Песенки Ли Юцяя» и другими колоритными произведениями о китайских крестьянах.

Характерно, что недавний роман Лу Яо – «Обыкновенный мир», появившийся в 1986 году, тоже посвящен деревне и возвращает читателей к периоду «культурной революции», из-за которой погиб Чжао Шули. Автор добивается широкого охвата исторической действительности, активного использования национальных традиций. Одновременно Лу Яо связан и с европейской культурой, с русским творческим наследием.

Сейчас, когда в Китае происходят большие перемены в общественной жизни и стала актуальной проблема восприятия западной культуры, знаменательными оказываются мысли Лу Яо о том, что для писателя одинаково важны и творческая свобода, и чувство социальной ответственности: «Мы не можем потакать низменным эстетическим запросам определенной части общества»; «Писатели никогда не должны утрачивать ощущения того, что они – простые труженики. Если мы начнем с прохладцей относиться к трудовому народу, то наши сочинения превратятся в траву без корней».

Отсюда вытекает еще одна важная мысль Лу Яо – о том, что корни нации прежде всего – в деревне. Этим повесть «Судьба», как и многие другие современные китайские произведения, близка к нашей «деревенской» прозе. Автор не идеализирует простых людей, показывает равно как их трудолюбие, бескорыстие, честность, так и недостаточную культурность, боязнь спорить с деревенским руководством. И все-таки именно крестьяне – при всех необходимых оговорках – становятся в повести средоточием нравственного начала.

В Китае последних лет развилась целая «литература поисков корней», но это не совсем то, что предлагает нам Лу Яо, а скорее идеализация старины и первоначальных сил в духе китайского почвенничества или латиноамериканского «магического реализма». О такой литературе Лу Яо как раз говорит с осуждением: «Еще неизвестно, стоит ли призывать всех писателей и художников удаляться в “первобытные леса” для “поисков корней”».

Разумеется, в повести молодого автора, да еще написанной после длительного периода упадка китайской культуры, отнюдь не все безупречно и в развитии художественной мысли, и в стилистической палитре. Тем не менее «Судьба» привлекает необычным для современной китайской литературы вниманием к любви, отчетливой социальностью, преподнесенной в достаточно мягкой форме. Недаром в аннотации к китайскому изданию сказано: «Повесть изображает сложные жизненные коллизии. В ней сплетаются воедино город и деревня, обще-

ство и семья, взлеты и падения, надежда и раскаяние, любовь и тоска. Все это складывается в правдивую картину современной общественной жизни».

Глава первая

К вечеру небо заволокло густыми тучами, земля, до этого дышавшая жаром и заполненная звуками, вдруг затихла, и даже самые шумные насекомые перестали стрекотать, как будто в нетерпеливом ожидании. Ни ветерка, ни пылинки. Лягушки вылезли из реки на берег и бес- сильно зашлепали к посевам, к дороге. Вокруг по-прежнему было жарко, как в парильне, но с западных гор плыли все новые черные тучи. На горизонте уже сверкали первые молнии, однако грома не было слышно – вместо него раздавался какой-то непрерывный глухой треск, внушав- ший людям страх: приближалась сильная гроза.

В этот самый момент Гао Цзялинь, временно работавший деревенским учителем, пере- шел вброд речку и почти бегом возвращался в свою деревню Гао. Он только что участвовал в совещании деревенских учителей в правлении коммуны, по дороге изрядно вспотел и сейчас нес майку и красивую синюю рубашку в руке. Взобравшись на каменистый берег, он уже на пороге дома услышал басовитый гул, доносившийся издалека.

Отец Цзялиня сидел на корточках на кане¹ и курил трубку, задумчиво теребя седую бородку. Мать, ковыляя на своих бинтованных ножках, несла на кан еду. Когда старики уви- дели сына, их сморщенные лица, напоминавшие грецкие орехи, тотчас расцвели. Оба были просто счастливы, что сын успел вернуться до грозы. К тому же им казалось, что он отсутство- вал не пять дней, а пять лет.

Гао Юйдэ тут же подошел к керосиновой лампе и, улыбаясь, начал поправлять фитиль. В комнате сразу стало светлее. Старик пошамкал губами, но ничего не сказал. Мать поспешно убрала со стола грубые кукурузные пампушки и, подойдя к плите, принялась готовить сыну яичницу да лепешки из белой муки; затем вернулась к кану, подобрала брошенную сыном рубашку и накинула ему на плечи с ласковым ворчанием:

– Вот негодник, простудишься!

Цзялинь ничего не ответил, только снова сбросил рубашку и, даже не снимая туфель, лег на свою постель, отвернулся к окну.

– Мама, не готовь ничего, я не голоден...

Старики тревожно переглянулись, и их лица опять стали похожи на грецкие орехи. Мать дрожащим голосом произнесла:

– Цзялинь, тебе что, нездоровится?

– Нет.

– Может, повздорил с кем? – подхватил отец.

– Нет, нет...

Цзялинь никогда не вел себя так! Каждый раз, возвращаясь из города, он им обо всем рассказывал, да еще приносил кучу съестного: хлеб, пирожные и прочее, и совал им в руки, говоря, что зубы у них уже плохие, а эти продукты и мягкие, и полезные. Сегодня у сына наверняка что-то стряслось, иначе не тосковал бы. Глядя на печальное лицо жены, Гао Юйдэ машинально выбил свою трубку о кирпичный край кана, достал из-за пазухи платок и вытер вспотевший лоб. Затем подвинулся к сыну:

– Цзялинь, что же все-таки случилось? Расскажи нам! Погляди, как мать волнуется!

Юноша медленно приподнялся, словно тяжело раненный. По-прежнему не глядя на родителей, он потухшим голосом произнес:

– Я больше не смогу преподавать...

¹ Невысокая лежанка, обогреваемая изнутри и занимающая б льшую часть традиционного китайского дома. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

– Что ты такого наделал? О небо! – Мать уронила на плиту черпак из тыквы-горлянки, и он раскололся надвое.

– Разве у вас сокращают учителей? – добавил отец. – Ведь в последние годы все новых набирали, почему вдруг сейчас сокращают?

– Нет, не сокращают... Если меня отстраняют от преподавания – это не значит, что других не берут!

Тут только старики начали кое-что понимать. Отец как можно мягче спросил:

– Кого же берут?

– Кого, кого! Известно кого – Саньсина! – Цзялинь яростно бросился на постель и закрылся с головой одеялом.

Старики точно одеревенели. А за окном все сильнее стучал дождь, выл ветер, гремел гром. Оконная бумага² непрестанно озарялась всполохами молний.

Парень по-прежнему лежал, закрывшись с головой одеялом. Серьезный удар для семьи! Когда Цзялинь, закончив школу, не прошел в вуз, он уже натерпелся достаточно. К счастью, его взяли в деревенские учителя, и он мог не работать в школе, а по-прежнему учиться, хотя бы самостоятельно, и заниматься своей любимой литературой. За три года учительства он даже опубликовал в местной газете несколько стихотворений и очерков. Теперь всему конец, придется вслед за отцом вкусить тяжелого крестьянского труда. Хотя он никогда не работал по-настоящему на земле, но все-таки был крестьянским сыном и знал, каково хлеборобу в этом бедном горном районе. Он вовсе не презирал крестьян, но и не мечтал принадлежать к ним и честно говорил себе, что учился больше десяти лет не для того, чтобы, как отец, стать «хозяином земли», а фактически – ее рабом.

Для Юйдэ и его жены сегодняшняя новость тоже была подобна удару палкой. Первым делом у них болела душа за своего единственного сына, которого они с детства холили, оберегали от всякого горя – он просто не выдержит каждодневного изнурительного труда! Кроме того, учительский заработок Цзялиня помогал им в эти годы жить сравнительно безбедно, а если сын займется непривычной работой, проку будет гораздо меньше. Сами они состарились, сил уже не столько, как прежде, когда они вдвоем, копаясь в земле, могли позволить сыну учиться. При мысли обо всех последствиях этого отец начал жаловаться вслух:

– Да, Минлоу, это уж ты переборщил! Здорово переборщил! Пользуешься тем, что ты партийный секретарь объединенной бригады³, и думаешь, что любые пакости можешь делать? Мой Цзялинь уже три года успешно отслужил, а твой Саньсин едва школу закончил! Как у тебя хватило совести обижать моего сына? Ты прогневал небо, Минлоу, оно тебя не пощадит! О мой бедный сын...

Юйдэ в конце концов не выдержал и заплакал, слезы потекли по его морщинистому лицу прямо на седую бороду. Услышав этот плач, Цзялинь снова вскочил.

– Чего вы ревете? Я еще потягаюсь с этим щенком, жизни своей не пожалею! – закричал он и спрыгнул с кана.

Старик испугался, тоже соскочил с кана и схватил сына за руку. Мать со всей скоростью, какую позволяли развить бинтованные ножки, бросилась к двери и закрыла ее своей спиной. Цзялинь оказался буквально зажат между всполошившимися родителями.

– Тьфу! – в сердцах сплюнул он. – Я вовсе не собираюсь убивать его, а только хочу написать на него жалобу. Мама, дай мне ручку со стола!

Но это объяснение ничуть не успокоило стариков, им было бы легче, если б парень начал крушить в доме мебель. Отец, ни на секунду не отпуская Цзялиня, взмолился:

² В традиционном китайском доме вместо стекла использовалась бумага. – *Примеч. ред.*

³ Он же в китайских условиях нередко являлся административным руководителем.

– Сынок, ни в коем случае не ввязывайся в это дело! Минлоу может дойти хоть до самого неба, в правлении коммуны, в уезде у него свои люди... Пожалуйся на него – ничего не добьешься, а нас он со свету сживет! Я уже стар, не выдержу такого, да и ты не выдержишь его мести – молод еще...

Мать, подскочив, схватила Цзялиня за другую руку и тоже принялась умолять:

– Сынок, хороший мой, папа верно говорит! Минлоу – человек подлый. Если ты пожалуешься на него, нам всем жизни не будет...

Цзялинь только гневно сопел:

– Чем терпеть такие издевательства, лучше уж схватиться с этим сукиным сыном! Заяц и то кусается, если его загонят, а человек тем более. Неважно, сумею ли я победить, но пожаловаться на него должен!

Он с силой дернулся, пытаясь вырваться из рук родителей, однако те вцепились в него еще крепче. Мать, покачиваясь, чуть не падая, снова взмолилась:

– Сынок, хороший мой, ты что, хочешь, чтоб я на колени перед тобой встала?

Цзялинь страдальчески мотнул головой:

– Нет, нет, мама, не надо так, я послушаюсь вас, не буду подавать жалобу.

Тут только старики отпустили сына и начали утирать слезы. Цзялинь, бессильно понуриив голову, присел на кан. За окном уже не полыхала молния, но дождь лил как из ведра. От реки доносился страшный звериный рев паводка.

Мать, немного успокоившись, достала из сундука синюю полотняную куртку и накинула на обнаженные плечи сына. Потом вздохнула и снова пошла к плите готовить ужин. Отец дрожащими руками набил трубку, но долго не мог прикурить, с десяток спичек извел. О лампе совсем забыл. Наконец он затянулся, сгорбившись, приблизился к сыну и задумчиво промолвил:

– Нам ни в коем случае нельзя жаловаться на него, надо поступить хитрее!

Цзялинь удивленно поднял голову. Как же отец собирается наказать Минлоу?

Гао Юйдэ сидел с заговорщицким видом и молча курил. Наконец он поднял свое морщинистое лицо и степенно сказал:

– Слушай, ты не только не должен жаловаться на Минлоу, но и когда увидишь его, будь к нему почтителен. Не хмурься, а улыбайся! Он сейчас наверняка думает о том, как мы будем себя вести... – И добавил, обернувшись к жене: – Ты тоже слушай и тоже улыбайся, если встретишь Минлоу или кого-нибудь из его домашних. Он в этом году не посадил баклажанов, так ты завтра отнеси ему несколько штук с нашего участка. И сделай это тихо, чтоб люди не подумали, будто мы к нему подлизываемся. Эх, как ни говори, а судьба Цзялиня зависит от него! Мы люди маленькие и вести себя должны соответственно... Ты поняла меня?

– Поняла! – всхлипнув, откликнулась жена.

Глава вторая

В последний месяц Цзялинь все время ложился рано, а вставал очень поздно, но на самом деле спал совсем немного, потому что всю ночь лежал с открытыми глазами. Не отдых, а сплошная пытка. Только к рассвету, когда родители ошупью поднимались и в деревне уже начинался людской гомон, он забывался сном. Юноша смутно слышал, как мать носит со двора хворост, раздувает мехами огонь в плите, как отец забирает свою мотыгу и отправляется в горы, да еще наказывает жене, чтобы кормила сына получше... – только тогда Цзялинь, глотая слезы, засыпал.

Сейчас почти полдень. Пытаться заснуть снова бесполезно, однако и вставать не хочется. Цзялинь нащупал рядом с подушкой пачку сигарет, в которой оставалось лишь несколько штук, закурил, жадно затянулся. В последнее время он курил все чаще, даже пальцы на правой руке закоптились и пожелтели. Но запас сигарет иссяк, купить их не на что. Раньше, когда он работал учителем, то каждый месяц получал, кроме трудодней, несколько юаней, тогда на сигареты хватало...

Цзялинь выкурил одну за другой две штуки и только тогда окончательно проснулся. Хотелось еще третью, но в пачке сбереглась всего одна сигарета, он решил оставить ее на потом.

Начал одеваться – медленно, будто во сне. Наконец спустился с кана, зачерпнул воды, смочил полотенце и протер опухшие глаза. С ковшом в руках вышел во двор помыться – здесь был совсем другой мир! Яркое солнце буквально ослепляло, небо было таким голубым, будто его только что вымыли, а по нему тихо плыли белоснежные облака. В долине реки зелеными ковриками расстилались поля кукурузы – до самых западных гор. По обе стороны долины тоже высились горы, над ними витала красивая голубая дымка. На большинстве склонов, обращенных к солнцу, были пшеничные поля; некоторые из них уже успели перепахать, и они темнели бурой землей; другие, еще не перепаханные, выгорели на солнце и напоминали серовато-белые бараньи шкуры. На перепаханных полях начали подниматься посеы проса и гречихи, которые кое-где окрашивали землю в бледно-зеленый цвет. По долине растянулось несколько деревень, все в рощицах финиковых деревьев⁴, так что домов почти не было видно. На току в каждой деревне стояли копны соломы, похожие издали на шляпки желтых грибов.

Взгляд Цзялиня упал на одну из этих финиковых рощиц. Он боялся смотреть туда и в то же время не мог не смотреть. Там, среди зелени, виднелось два невысоких кирпичных дома – это была школа, в которой он проработал три года.

В школе училось больше ста учеников из нескольких окрестных деревень. В ней было всего пять классов⁵, а потом приходилось учиться в неполной средней школе на центральной усадьбе коммуны. Цзялинь был руководителем пятого класса, вел там арифметику и родную речь, да еще преподавал музыку и рисование для всех остальных классов. В школе он пользовался большим уважением, и вдруг все это исчезло!

Цзялинь отвернулся, присел на каменистом берегу на корточки и начал чистить зубы. В деревне тихо. Все мужчины ушли работать в горы, а ребятишки резвятся где-то за околицей. Слышен только скрип мехов, которыми прилежные хозяйки раздувают огонь, чтобы накормить обедом своих мужей и детей; над многими домами уже поднялись голубые струйки дыма. Из зарослей тополей и ив по берегам реки несется тревожно-монотонная песня кузнечиков.

Чистя зубы, Цзялинь видел, как мать, сгорбившись, пропалывает на приусадебном участке баклажаны; ее седые волосы блестят под солнцем. Его охватило мучительное чувство стыда. Родители целыми днями в хлопотах, а он все дома киснет. В горы на работу не ходит,

⁴ Имеется в виду китайский финик (жужуб, юйуб, называется также унаби).

⁵ Начальная школа по китайской системе образования.

только пищу для пересудов дает. Односельчане к подлостям Гао Минлоу уже привыкли, а вот к бездельникам, наверное, никогда не привыкнут. Лодырей крестьяне всегда презирают. Нет, больше так не может продолжаться! Он должен признать свое нынешнее положение – все-таки он потомственный крестьянин.

Гао Цзялинь уже хотел вернуться в дом, как вдруг услышал за спиной:

– Учитель Гао, можно вас на минутку?

Юноша обернулся и увидел бригадира Ма Шуаня из заречной деревни. Ма Шуань был неграмотным и все же представлял свою деревню в административном комитете школы, постоянно участвовал в школьных собраниях, поэтому Цзялинь его хорошо знал. Это был очень простой, даже наивный, но в общем неглупый парень, весьма искусный и в полевых работах, и в торговле. На сей раз он выглядел не совсем обычно: серая нейлоновая рубашка, поверх нее, несмотря на жару, еще голубая синтетическая куртка, на голове – военная фуражка, на загорелой дочерна руке – позолоченные часы с браслетом. Новенький велосипед был разукрашен под стать его одежде: весь перевит разноцветными лентами, даже на спицы приделаны пестрые бархатные шарики. Несколько смущенный своим нарядом, Ма Шуань натужно улыбался, а Цзялинь при виде его, напротив, забыл о своих печалях, развеселился и воскликнул:

– Ишь как разрядился! Чистый жених! Ты куда едешь?

Ма Шуань покраснел, но улыбаться не перестал:

– За невестой ездил. Мне сватают вторую дочку Лю Либэня из соседней деревни.

– Цяочжэнь, что ли?

– Ее самую.

– Так ты у нас лучшую невесту из-под носа выхватываешь! – засмеялся Цзялинь. – Знаешь, ее называют «первой красавицей долины»?

– Знаю. Фрукт-то хорош, да, боюсь, мне не по зубам! Я уже который раз к ним езжу, ее родители не против, а вот сама она даже не выходит ко мне. Наверное, думает, я черен слишком да необразован. Лицом она и впрямь белее моего, а вот образования не больше: и нескольких иероглифов не знает! Да, сейчас бабы здорово зарвались!

– А ты потише к ней подходи, не торопись! Попить хочешь? Заходи в дом!

– Нет, я уж вдоволь у будущего тестя нахлебался! – ответил Ма Шуань. Он поглядел на свои золоченые часы, попрощался и, сев на велосипед, поехал к реке. Цзялинь, прислонившись к финиковому дереву, смотрел, как его фигурка пропадает в зеленом море кукурузы, потом непроизвольно взглянул на дом Лю Либэня.

Лю Либэнь не имел никакой видной должности и тем не менее считался вторым в деревне человеком после Гао Минлоу. Очень был ловок, давно занимался спекуляцией, а в последние два года развернул торговлю и греб столько денег, что на лошади не увезешь. Крестьяне всегда уважают богатых людей, однако для уважения к Лю Либэню у них была и дополнительная причина: дело в том, что его старшая дочь Цяоин два года назад вышла замуж за сына Гао Минлоу. Породнившись, двое первых людей деревни стали просто ее диктаторами. Только у них были настоящие добротные дома, окруженные крепкими заборами. Эти дома стояли в разных концах деревни, словно тигр и дракон, приготовившиеся к прыжку.

Цзялинь в отличие от своих односельчан не очень уважал этих хозяйчиков и тем более не завидовал им, кто по своим душевным качествам далеко уступают простым крестьянам. Гао Минлоу несправедлив и, пользуясь данной ему властью, обижает подчиненных, обманывает начальство, словом, ведет себя как мелкий князек. Он заграбастал даже все способности, отпущенные природой его семье: оба его сына на удивление глупы. Младший, Саньсин, без протекции и до последних классов бы не дотянул. А Лю Либэнь умеет только деньги заколачивать и двух своих старших дочерей в школу не отдавал, считая, что ученье – пустая трата денег. Девчонки красивы, как цветы, и сообразительны, да до сих пор неграмотны. Правда, младшую дочь, Цяолин, он все-таки пустил учиться, и скоро она должна закончить среднюю школу.

Сейчас Цзялинь стоял на каменистом берегу и негодовал не столько на Гао Минлоу и Лю Либэня, сколько на самого себя: да, он презирает их, но до чего сам-то докатился? Эх, не будь в деревне Гао Минлоу, можно было бы, пожалуй, остаться на всю жизнь крестьянином, но теперь он обязательно должен перерасти своего обидчика, стать сильнее его, а для этого нужно уйти из деревни! Здесь ему не справиться с такими людьми, как Гао Минлоу.

Он отнес в дом тазик для мытья и зубную щетку, открыл сундук и стал искать чистую одежду, чтобы искупаться в заводи под огородами. Тут он наткнулся на военную гимнастерку, и лицо его посветлело. Эту гимнастерку ему подарил дядя – младший брат отца, служивший в Синыцзяне, и Цзялинь берег ее пуще драгоценности.

Дядя еще мальчишкой ушел на фронт, только после революции 1949 года отыскал их семью, но за несколько десятков лет так и не смог побывать в родной деревне, а лишь время от времени присылал письма да немного денег – вот и все их родственные связи. Сейчас он уже заместитель политкомиссара дивизии, семья Цзялиня очень гордилась этим, но никакого серьезного влияния он на их жизнь не оказывал.

Держа в руках гимнастерку, Цзялинь подумал, что надо бы написать дяде письмо и рассказать о своих злоключениях: может быть, он подыщет ему какую-нибудь работу в Синыцзяне. Конечно, он у родителей единственный ребенок, они его будут удерживать, но написать дяде все-таки надо.

Родителей он надеялся уломать, поэтому тут же уселся за стол и, употребив все свои литературные способности, сочинил трогательное письмо. Завтра в городе будет базарный день, можно отослать письмо с кем-нибудь из тех, кто поедет на базар.

Этот неожиданно возникший вариант несколько успокоил его, даже обрадовал. Юноша натянул на себя гимнастерку, выскочил из дома и быстро пошел вверх по реке, к пестреющим вдали огородам. Августовские поля, да и горы, поднимавшиеся друг за другом уступами, все зеленели. Кукуруза в долине вымахала в человеческий рост, на каждом ее стебле красовались початки, из макушек которых высовывались розовые кисточки. На горных склонах цвели фасоль, соя, горох, картошка, и их красные, белые, желтые, голубые цветы как будто вспыхивали среди безбрежного зеленого моря. Крестьяне уже дважды пропололи свои посевы, недавно прошел благодатный дождь, поэтому никаких признаков засухи не было видно: напротив, вся зелень выглядела влажной, сочной, крепкой и вселяла в людей чувство радости и покоя.

Цзялинь шел легко, отбросив свои печали, молодая кровь играла. Он сорвал розовый цветок ветреницы и, крутя его в руках, миновал капустное поле, подошел к заводи. Здесь он быстро разделся, забрался на скалу, выглядывавшую из воды, и присел на корточки. Его тело было стройным, крепким, натренированным физкультурой. Кожа немного смуглая, нос крупный, глаза большие, карие, брови слегка изогнутые, как две сабли, волосы пышные, будто специально взбитые. Особенно хорош был Цзялинь, когда задумывался и хмурился – в эти минуты он становился настоящим образчиком притягательной мужской красоты.

Классическим спортивным прыжком он прыгнул со скалы, описал в воздухе красивую дугу и без малейшего плеска ушел в воду. Он долго плавал разными стилями, потом вылез на мелководье, вымылся с мылом и голым улегся на скале под персиковым деревом. Это дерево посадил старый холостяк Дэшунь, который частенько срывал с него персики и раздавал их деревенским ребятишкам.

Цзялинь лежал на гимнастерке, положив руки под голову и расслабившись. Сквозь просветы между листьями он смотрел на голубое небо, которое казалось ему таким же чистым, как вода. Был уже полдень, но юноша не думал о времени. Он слышал лишь далекое, нежное журчание реки, похожее на звуки скрипки.

Вдруг с кукурузного поля раздольно донесся женский голос:

Уточки в речке сзади,
Гусоньки – впереди,
И всякая рада,
Коль милого углядит.

Голос был красив, звонок, хотя и грубоват. Хорошенько вслушавшись, Цзялинь понял, что это поет Цяочжэнь, вторая дочь Лю Либэня. Он сразу вспомнил нелепый вид Ма Шуаня, ездившего к ней свататься, и невольно рассмеялся: «Твой милый специально приезжал к тебе, так ты спряталась, а теперь ходишь и поешь про милого!»

Тут он услышал шорох в кукурузе совсем недалеко от себя и почувствовал, что Цяочжэнь идет прямо сюда. Он кое-как натянул на себя одежду и еще не успел застегнуть последнюю пуговицу, когда девушка уже стояла перед ним, держа в руках корзину нарезанной травы. Она была мало похожа на деревенскую – и своей красотой, и полным отсутствием вульгарности. Это сказывалось даже в ее одежде: зеленых синтетических брюках под цвет травы и розовой рубашке, воротник которой был завернут на застиранную синюю куртку.

Цяочжэнь смущенно скользнула взглядом по Цзялиню, отвела свои большие влажные глаза и, достав из-под травы в корзине спелую дыньку, протянула ее юноше:

– Ешь! Страсть какая сладкая! Это с нашего участка, я сама сажала...

Она попыталась вытереть дыньку чистым цветастым платком, но Цзялинь остановил ее:

– Я сейчас не хочу есть, потом...

Девушка собиралась что-то сказать, однако заколебалась, опустила голову и пошла по тропинке к берегу. Цзялинь положил дыньку рядом с собой, машинально глядя вслед девушке. Внезапно Цяочжэнь обернулась, их взгляды встретились. Юноша рассерженно отвел глаза и снова лег: да, она была красавица, но одновременно и родственница Гао Минлоу!

Цзялинь действительно хотел сейчас вовсе не есть, а курить. Он прекрасно знал, что у него нет ни сигарет, ни самосада, и тем не менее стал шарить по карманам в поисках табака.

– Сынок, идем скорее обедать! Чего ты там лежишь! – раздался с берега голос отца.

Юноша встал, засунул дыньку в карман и лениво пошел на зов. Взобравшись на берег, он первым делом взял у отца трубку, глубоко затянулся и тут же согнулся в кашле.

– Никогда не кури самосада, он слишком крепкий! – заворчал отец, отбирая у него трубку. – Я сейчас работал в горах и вот что надумал: завтра в городе базарный день, так пусть твоя мать напечет пампушек, а ты их продашь. У нас ведь ни денег, ни керосину, ни соли почти не осталось... Заодно и сигарет себе купишь!

Цзялинь утер слезы, выступившие от кашля, и распрямился. Отец глядел на него, ожидая ответа, но юноша не торопился, а размышлял. Он сразу вспомнил про письмо, которое написал дяде, и подумал, что в городе сможет сам его отправить. Поэтому он согласился пойти на базар.

Глава третья

Вскоре после завтрака Цзялинь вышел на дорогу, которая вела из их долины в уездный город, и увидел множество крестьян, спешащих на базар. За последние два года политика в отношении деревни изменилась, индивидуальную деятельность уже не прижимали, поэтому базары, торговля вновь обрели свой смысл в жизни крестьян.

Некоторые парни ехали на велосипедах, увитых разноцветными лентами, в новой одежде, явно предназначенной для свиданий или смотрин. На загрубевших ногах красовались нейлоновые носки и туфли из искусственной кожи, головы были гладко причесаны, на чисто вымытых лицах читалась нескрываемая радость. Ведь парням предстояло повидаться с невестами, друзьями, сходить в кино, магазины, купить модные вещи... Но основная масса крестьян что-нибудь несла: хворост, овощи, яйца, кудахтающих кур, визжащих поросят. Другие толкали перед собой тележки, тащили на веревках баранов или ослов. Среди толпы шли сапожники, жестянщики, столяры, каменщики, штукатуры, валяльщики, бондари, корзинщики, бродячие лекари, гадалыщицы, игроки в кости, воры, мошенники... От их многочисленных ног над дорогой поднимались клубы пыли.

Когда Цзялинь со своей корзиной пампушек влился в этот поток, он сразу пожалел, что послушался отца. Ему казалось, что все прохожие смотрят на него и думают: как он, уважаемый учитель, вдруг идет торговать на базар, точно старая бабка! Испытывать это было мучительнее, чем тысячи укусов, но поделаться ничем нельзя. Сама жестокая судьба загнала его на эту пыльную дорогу, иначе он не способен начать новую жизнь. В доме действительно нет ни денег, ни керосина, ни соли, родители уже стары. Как же он, молодой, сильный парень, может сидеть без дела и даром есть их рис?

Цзялинь еще крепче сжал ручку корзины, опустил голову и, стараясь смотреть только под ноги, быстро зашагал в город. Тут он вспомнил, что перед уходом отец советовал ему не просто стоять с пампушками, а зазывать покупателей. Ведь если он не будет кричать, кто поймет, для чего он стоит?

Дойдя до небольшого перекрестка, от которого отходила в стороны канава, Цзялинь решил пойти по этой канаве и где-нибудь потренироваться в зазываниях. Он осторожно оглянулся, словно делая постыдное дело, прошел по канаве так далеко, что уже потерял из виду дорогу, и здесь, в совершенно безлюдном месте, остановился. Но сил кричать не было. Юноша раза два открыл рот – все без толку, его даже пот прошиб. Вокруг стояла полная тишина, лишь из куста с какими-то голубыми цветами выпорхнула стайка снежно-белых бабочек, да из зарослей на склонах доносился пряный запах полыни. Было такое впечатление, что весь мир замер и ждет его крика: «Паровые пампушки!..»

О, как это мучительно и позорно – все равно что в огромном зале при скоплении народа учиться лаять по-собачьи! Но Цзялинь решил не отступать. Тыльной стороной ладони смахнув со лба пот, он яростно глотнул слюну, закрыл глаза и закричал:

– Паровые пампушки!

Эхо в горах тут же разнесло его натужный крик. Долго Цзялинь стоял возле пустынной канавы, потом с трудом вернулся к дороге и продолжил путь в город. От их деревни до города было всего пять-шесть километров, но Цзялиню этот путь показался бесконечным.

Когда он дошел до места, где их речка Лошадиная сливалась с Уездной, город был уже на виду. Весь противоположный склон усеяли дома – высокие, низкие, одноэтажные, многоэтажные, почти одинаково серые, но хранящие для него ту же притягательную силу, что и прежде. Он никогда не видел других городов, поэтому уездный центр казался ему большим городом, даже иным миром. Все это было для него знакомым, родным. Тут он учился в средней школе,

впервые познал жизнь; тут зародились его мечты о будущем. Школа, стадион, бассейн, улицы, кинотеатры, магазины – всем этим он мог наслаждаться еще три года назад.

Сейчас он снова оказался здесь, но уже не веселым юношей в чистой одежде, пахнувшей мылом, с гордо выпяченной грудью, на которой красовался значок лучшей школы города, а обыкновенным крестьянином, спешащим на базар с корзиной пампушек. Цзялинь помрачнел. Он облокотился о каменные перила моста через Лошадиную и почувствовал, что у него кружится голова. Люди непрерывным потоком шли мимо него и вливались в улицы. Вдалеке, над самым центром города, стояло огромное облако пыли, слышался разноголосый гомон, напоминающий жужжание пчел.

И тут у Цзялиня мелькнула еще более страшная мысль: а что, если он встретит кого-нибудь из своих соучеников? Он беспокойно вскинул голову и огляделся. Может быть, вернуться? Нет, это невысказано, в доме не осталось ни монеты. Если он вернется с полпути, родители вряд ли что-нибудь скажут, но в душе наверняка расстроится – не столько из-за непроданных пампушек, сколько из-за того, что у них такой никчемный сын. Раз уж он пришел сюда, то непременно должен добраться до рынка.

Перейдя мост, Цзялинь направился в южную часть города, где продавали главным образом свиней, рис и овощи. Народу здесь было меньше, чем на центральном рынке, в основном крестьяне, так что однокашников он вряд ли встретит. Но когда Цзялинь проходил мимо автостанции, вся кровь вдруг бросилась ему в голову: у дверей станции он увидел Хуан Япин и Чжан Кэнаня, с которыми прежде учился в одном классе. Скрываться было уже поздно: они заметили его и пошли навстречу.

Цзялинь в ярости был готов отшвырнуть от себя корзину с пампушками, однако бывшие одноклассники уже приблизились, и ему пришлось пожать Чжан Кэнаню руку. На вопрос, что он делает здесь с корзиной, Цзялинь тут же соврал, будто идет к родственнику.

Хуан Япин горячо воскликнула:

– А ты здорово шагнул вперед! Я читала в районной газете твои очерки и, признаюсь, позавидовала! Главное – стиль превосходен, я даже выписала себе несколько отрывков...

– Ты все еще преподаешь в деревенской школе? – спросил Чжан Кэнань.

Цзялинь мотнул головой и горько усмехнулся:

– Нет, меня заменили бригадирским сыном, так что я сейчас превратился в рядового коммунара!

– Выходит, для учебы и творчества у тебя совсем мало времени? – обеспокоилась Хуан Япин.

– Чего-чего, а времени у меня хватает! – все с той же горькой усмешкой продолжал Цзялинь. – Ведь сказал же один поэт: «Мы заступами пишем стихи на безбрежном теле земли!»

Одноклассники прыснули, оценив его юмор.

– А вы в командировку? – спросил Цзялинь, чувствуя, что в их отношениях, прежде чисто товарищеских, появилось что-то особенное.

– Я – нет. Это Кэнань едет в Пекин, чтобы купить для своей организации цветной телевизор. А я просто гуляю... – ответила Хуан Япин, несколько смущенная.

– Ты все еще работаешь в отделе продовольствия? – обратился Цзялинь к Чжан Кэнаню.

– Нет, недавно меня перевели в продмаг.

– Не просто перевели, а повысили, сделали начальником, точнее – заместителем директора! – вмешалась Хуан Япин, насмешливо скривив губы.

– Да, – как ни в чем не бывало подхватил Чжан Кэнань. – Так что если тебе понадобятся редкие сигареты или вино, я постараюсь организовать. Других способностей у меня нет, а организовывать кое-что умею. Ведь в деревне сейчас трудно достать что-нибудь приличное.

И хотя сказал он это достаточно дружелюбно, Цзялинь, уязвленный своим нынешним положением, усмотрел в его словах подвох, желание подчеркнуть собственное превосходство. Он мигом вспыхнул, ответив довольно высокомерно:

– Если мне что-нибудь понадобится, достану сам, а не буду утруждать однокашников!

Чжан Кэнань нахмурился. Хуан Япин, чувствуя, что разговор не клеится, поспешила перевести его на другую тему:

– Цзялинь, если сегодня после обеда у тебя будет время, заходи к нам на радиостанцию, поболтаем! С тех пор, как мы закончили школу, ты ни разу даже не заглянул к нам. Я вижу, ты все такой же гордый!

– Вы сейчас возвысились, а я стал простым крестьянином, мне до вас не дотянуться! – снова понесло Цзялиня. Когда он чувствовал себя униженным, он говорил очень резко и язвительно. Чжан Кэнань уже не мог выдержать этого. На счастье, по радио как раз объявили, что началась продажа билетов на его рейс, он мигом пожал Цзялиню руку и скрылся. А Хуан Япин немного замешкалась:

– Я в самом деле хочу с тобой поговорить... Ты ведь знаешь, я тоже люблю литературу, но сейчас работаю дикторшей и упражняюсь в языке только устно. За эти годы ни одной вещицы не написала... Итак, обязательно приходи!

Ее приглашение звучало вполне искренне, однако Цзялинь неизвестно почему продолжал дуться.

– Если будет время, зайду. Ну, тебе пора провожать Кэнаня, я пошел!

Девушка мгновенно покраснела, как будто ее вымазали краской:

– Я вовсе не провожаю его. Я пришла встречать одного родственника...

Она явно лгала. Цзялинь больше ничего не сказал, а только кивнул головой и пошел. Ему было смешно, что и он, и Хуан Япин выдумали почти одинаковую ложь. «Ну что ж, иди к своему родственнику, а я к своему!» – говорил он себе, но под влиянием этой встречи погрузился в воспоминания о школьных годах.

Хуан Япин была старостой их класса, а он – ответственным за учебу, поэтому общались они довольно часто. К тому же они оба хорошо учились, любили литературу и уважали друг друга. А с Чжан Кэнанем он не был так близок, только играл с ним в одной баскетбольной команде.

Хуан Япин родилась в южной провинции Цзянсу, ее отец был большим человеком – начальником уездного ополчения и членом укома⁶. Когда его перевели сюда, дочь переехала вместе с ним и попала в один класс с Цзялинем. Она была типичной южанкой: подвижной, сообразительной, контактной и в то же время не вульгарной, так что вся школа засматривалась на нее. А Цзялинь, хоть и не ездил никуда, но очень много и жадно читал. От природы мечтательный, устремленный во внеземной мир, он был любознательнее и свободнее своих одноклассников. Хуан Япин быстро заметила это и, естественно, сдружилась с ним. Ему тоже нравилось разговаривать с ней, потому что до сих пор он не встречал таких девочек. Большинство его одноклассниц были слишком скованны и серы, говорили только о еде и одежде, да и учились хуже мальчишек, так что его мало интересовали. А с Хуан Япин можно было поговорить и о только что прочитанном романе, и о музыке, и о живописи, и о международных проблемах. Ребята время от времени болтали об их отношениях, но на самом деле Цзялинь вовсе не выходил ни за какие рамки. Единственное, чего он не мог преодолеть в общении с Хуан Япин – сознания своей неполноценности, потому что он не обладал достатком и общественным положением, в отличие, например, от Чжан Кэнаня. Родители Чжана были видными людьми в уезде: отец – заведующий уездным отделом торговли, мать – заместителем начальника аптекоуправления. Чжан Кэнаню тоже нравилась Хуан Япин, но он чувствовал, что надежд у него мало.

⁶ Уездный комитет (партии). – *Примеч. ред.*

Вскоре все они закончили школу, однако в вуз никто из их класса не прошел: ребята, приписанные к деревне, вернулись в свои родные места, а городские постепенно устроились на работу в уездном центре. Чжан Кэнань поступил в отдел продовольствия, Хуан Япин, хорошо говорившая на литературном языке⁷, стала дикторшей на радиостанции. Перемены в судьбе развели Цзялиня и Хуан Япин далеко друг от друга. Хотя от деревни до уездного центра рукой подать, практически это были два разных мира.

Начав работать в деревенской школе, Цзялинь каждый раз, когда слышал по радио звонкий голос Хуан Япин, испытывал грустное чувство. Постепенно это чувство ослабло, но однажды кто-то из бывших однокашников сказал ему, что Япин, наверное, крутит любовь с Кэнанем, и Цзялиня снова охватила безотчетная грусть.

Сейчас, встретив их у автостанции, он особенно расстроился: шел с корзиной в руках и лихорадочно шарил глазами по сторонам, чтобы не наткнуться еще на кого-нибудь из прежних друзей. Дойдя до перекрестка и влившись в людской водоворот, он все-таки встретил знакомого, но на этот раз не всполошился. Когда Ма Чжаньшэн, ответственный за образование в их коммуне, неловко пожал ему руку, Цзялинь даже подумал: ну и плевать, что Ма видит его с этой позорной ношей, – пусть поглядит, до чего они его довели!

На вопрос, что он здесь делает, Цзялинь четко ответил: иду торговать пампушками. Более того, достал из корзины одну пампушку и сунул в руки Ма Чжаньшэну с таким удовлетворением, как будто это была граната, которая сейчас взорвется и отомстит за него. Ма принял пампушку обеими руками, но тут же затолкал ее назад в корзину и растерянно поскреб подбородок, уже начавший обрастать щетиной:

– Цзялинь, ты, наверное, презираешь меня! Я и сам чувствую себя так, будто мне в душу помоев набухали, а вылить их некуда. Давно хочу сказать тебе одну вещь, да все не решаюсь, а сейчас скажу! – Он отвел юношу в сторонку, к велосипедной мастерской, снова поскреб подбородок и тихо продолжал: – Эх, Цзялинь, ты, наверное, не знаешь, что начальник нашей коммуны Чжао и ваш Гао Минлоу – старые друзья. Хотя один и подчиняется другому, а все равно не разлей вода. Несколько лет назад Минлоу некого было пристраивать в учителя, поэтому тебя и взяли, а теперь у него сын школу закончил, вот Минлоу и повадился к нам бегать. Чжао, ясное дело, постарался для друга. Сам знаешь, в последние годы идет урегулирование экономики, государство старается из деревни кадров не брать, поэтому каждое учительское место на счету. Минлоу, ясное дело, должен был своего сына пристроить, а в соседнюю деревню его никто бы не взял, оставалось только тебя уволить. Объявлял об этом на совещании я, но ведь решение-то не мое – я человек маленький. Так что ты на меня не сердись!

Цзялинь с нарочитым равнодушием пригладил волосы:

– Ладно, Ма, не переживай, я и без твоего объяснения все понимал. Но и ты должен понять меня – мы же с тобой несколько лет вместе работали!

– А я тебя понимаю и знаю, что из всех учителей коммуны ты самый лучший! К тому же ты человек боевой, упорный, я таких люблю. В общем, не бойся!.. Кстати, знай, недавно меня перевели в уездный отдел трудовых ресурсов, заместителем начальника отдела, так что, можно сказать, повысили. Несколько дней назад я уже говорил Чжао, чтобы он при случае восстановил тебя в учителях. Он полностью согласился... В общем, не бойся и жди! Ну ладно, иди по своим делам, а то у меня тут небольшой прием. Когда чиновник получает должность, он пылает от усердия, как три факела. Я хоть и не пылаю, однако угощение для своих благодетелей должен устроить...

⁷ Имеется в виду *путунхуа* – стандартизированный официальный язык КНР, произносительная норма которого основана на пекинском диалекте. Помимо него в Китае существует множество диалектов со многими фонетическими различиями. – Примеч. ред.

Ма Чжаныпэн помахал юноше рукой и мигом скрылся в толпе, как будто убегая от него. Цзялинь не питал никаких добрых чувств к этому пролазе, известному всей коммуне, и не воспринял всерьез его слова. Он уловил только, что тот повысился и перешел в уездное руководство. Но какое отношение это имеет к нему, Цзялиню? Для него сейчас самое главное – продать целую корзину пампушек, оттягивающих руку! Протискиваясь сквозь толпу, он направился к южному рынку.

Глава четвертая

Южный рынок хоть и был меньше центрального, но на нем тоже рябило в глазах. На большой площади толпилось множество людей, которые что-то продавали, покупали, шумели, сновали туда-сюда. Здесь было четыре главных торговых ряда: в одном продавали овощи, в другом – свиней, в третьем – остальной скот, в четвертом – готовую еду. Многих привлекал бродячий зверинец из провинции Хэнань. Здесь можно было увидеть медведей, играющих в баскетбол, собачек, прыгающих через обруч, и над всем этим стояли тучи пыли, смешанной с запахом табака и пота.

Цзялинь, тоже весь потный, пробивался со своей корзиной через море людей, сам не зная, куда он идет. Он плотно закрыл пампушки белым полотенцем, чтобы уберечь их от пыли, и в результате люди понятия не имели, что у него в корзине. Он несколько раз порывался начать свои зазывания, но слова застревали в горле. Все другие торговцы окликали покупателей, некоторые просто мастерски играли голосом, не хуже актеров. Раньше он смеялся над такими импровизированными представлениями, однако теперь зауважал их исполнителей, умевших кричать легко и весело, не обращая внимания ни на что. Он чувствовал, что они – свои в этом мире, а он просто ни к чему не способный человек.

Бесцельно бродя в толпе, он вдруг услышал за спиной женский голос:

– Сегодня этот чертов старик решил выпить, назвал кучу гостей, а мне неохота готовить в такую страшную жару. Как назло, пампушки в столовых грязные и из серой муки, и на базаре никто пампушки не продает – уже полдня мотаюсь!

Цзялинь обернулся, хотел скинуть со своей корзины полотенце, но тут же поспешно спрятавшись за спину старика, торговавшего деревянными лопатами: женщина, говорившая о пампушках, оказалась матерью Чжан Кэнаня. Когда Цзялинь учился в школе, он два раза ходил в их семью. Не исключена возможность, что мать Кэнаня давно забыла о нем, но Цзялинь не хотел рисковать.

В это время на всем рынке заговорили громкоговорители: раздался голос Хуан Япин, начавшей программу. По радио ее голос звучал еще лучше, чем в жизни: нежнее и вместе с тем строже – совсем как у столичных дикторш.

Юноша устало прислонился к бетонному столбу с громкоговорителем, прикрыл глаза и закусил губы. Его красивые брови, похожие на слегка изогнутые сабли, нервно подрагивали. Он представил себе, как Кэнань теперь едет в междугородном автобусе, беззаботно любуясь пейзажами за окном: как Хуан Япин сидит в красивой радиостанции и читает приготовленный для нее текст... А тем временем он унижается – слоняется по пыльному базару, стараясь выручить хотя бы несколько монет!

Ему уже не хотелось ничего продавать, он решил забиться в какой-нибудь тихий уголок. Куда же пойти? Может быть, в читальню уездного дома культуры? Раньше, как любитель литературы и политики, он часто бывал здесь.

Зайдя в читальню, он поставил корзину на край лавки и взял со стеллажа целую пачку изданий: «Жэньминь жибао», «Гуан-мин жибао», «Чжунго циннянь бао», «Цанькао сяоси», уселся за стол и начал их перелистывать. Кроме него, в читальне никого не оказалось – это действительно был тихий уголок, просто удивительный после бурлящего людского моря.

Из-за своих неприятностей он давно уже не читал ни газет, ни журналов. Прежде, чуть ли не с начальной школы, он читал их постоянно и чувствовал, будто ему чего-то не хватает, если хотя бы один день не видел газеты. Теперь он снова погрузился в тот волшебный мир и моментально забыл обо всем остальном.

Первым делом он начал читать международные новости в «Жэньминь жибао». Цзялинь очень интересовался внешней политикой и даже мечтал поступить в Институт международ-

ных отношений. В школе он завел себе толстую общую тетрадь и важно выделил в ней такие разделы: «Проблемы Ближнего Востока», «Взаимоотношения стран Европейского экономического сообщества», «Отношения государств АСЕАН со странами Индокитая», «Американский фактор в китайско-американо-советских отношениях» и другие. Он всерьез был уверен, что занимается изучением политики, хотя на самом деле всего лишь наклеивал в тетрадь газетные вырезки. Сейчас он уже посмеивался над этим, но тогда одноклассники обалдели.

Углубившись во взятые газеты, он уже ощущал во всем теле приятную усталость, как вдруг работники читальни начали собираться на обед. Оказывается, он просидел здесь несколько часов! Цзялинь забрал свою корзину и вышел из читальни. Солнце уже начало клониться к западу, по улицам брели лишь редкие прохожие, шума от базара почти не было слышно.

Да, он засиделся в читальне! Что же теперь делать? Базар наверняка опустел, а если бродить по улицам, тем более можно нарваться на знакомых. Цзялинь потоптался немного у дверей читальни и решил возвращаться домой.

С печальным сердцем и поникшей головой вышел он из города: ни одной пампушки в его корзине не убавилось, а в кармане не появилось ни монеты. И тут, у моста через Лошадиную, он заметил Цяочжэнь из их деревни. Она стояла и обмахивалась косынкой, а другой рукой придерживала новенький велосипед «Летающий голубь», который недавно купила ее богатая семья.

Увидев Цзялиня, девушка сама двинулась ему навстречу.

– Ты что, пампушки ходил продавать? – спросила она и почему-то покраснела, будто ее с трудом держали ноги.

– А ты тоже на базар ходила?

– Ага, – Цяочжэнь снова взмахнула косынкой, вытирая со лба бусинки пота, и покосилась на велосипед, но на самом деле не спускала глаз с Цзялиня, – на базар, только ничего там не... – Она вдруг подняла голову и взглянула прямо на него. – Я чувствую, ты ни одной пампушки не продал! Чувствую! Ты боялся осрамиться... Дай их мне, я продам, а ты пока постереги мой велосипед!

Она быстро выхватила у него из рук корзину и пошла – Цзялинь даже сообразить ничего не успел, только смотрел на ее стройную, как росточек, фигуру. Потом оперся руками о перила моста и задумался: как, почему все это получилось?

А Цяочжэнь давно это замыслила. Не день, не два, а уже много лет жило в ее душе чувство, которое она не могла больше сдерживать, поэтому оно и прорвалось. Иначе она, наверное, просто умерла бы.

Эта красивая дочка Лю Либэня, хотя никогда и не училась, но чувствовала и понимала многое. Односельчане видели только ее внешнюю красоту, даже не подозревая, что ее внутренний мир не менее красив. К сожалению, из-за своей необразованности она не могла дружить с людьми, которых считала по-настоящему интересными: более того, испытывала перед ними неловкость. Она часто горевала, что отец не пустил ее учиться. Сверстники ушли далеко вперед, догнать их все равно не догонишь, остается лишь плакать тайком.

Но она решила во что бы то ни стало выбрать себе в спутники жизни культурного, духовно богатого парня. Благодаря своей красоте Цяочжэнь вполне могла выйти замуж за кадрового работника коммуны или за городского рабочего – уроженца деревни. Свахи уже не раз предлагали ей таких женихов, весь порог истоптали, однако она отказывалась: эти женихи на поверку хуже крестьян, к тому же такой муж будет жить далеко от нее⁸, наезжать лишь

⁸ В Китае один супруг часто не может прописать у себя другого, особенно в городе. – *Примеч. пер.* В 1998 году был принят закон, по которому супруг (или супруга) могут получить городскую прописку по истечении определенного срока (2—10 лет). – *Примеч. ред.*

несколько раз в году, а с детьми и хозяйством ей придется мучиться одной. В деревне полно подобных случаев! Но еще важнее было то, что ей не приглянулись эти женихи. Если бы она по-настоящему полюбила человека, она пожертвовала бы ради него всем – такой она была.

Отец любил ее, холил, но совершенно не понимал. Видя, что кадровые работники и городские рабочие ее не устраивают, он начал искать ей деревенского жениха и в конце концов нашел Ма Шуаня из Лошадиной. За последние годы, когда в коммуне занялись совместной культивацией полей, Ма Шуань часто сталкивался с Цяочжэнь. Он был человеком честным, неглупым, трудолюбивым, семья его жила в достатке, так что по деревенским понятиям он считался завидным женихом. Однако девушка не могла заставить себя полюбить его. Он несколько раз приходил к ним в дом, а она пряталась и не желала его видеть. Рассерженный отец постоянно ругал ее за это.

Нет, не Ма Шуань был ее суженым. Уже много лет она дерзко мечтала о совсем другом человеке – Цзялине!

Ей нравились его независимый характер, его строгая красота и вообще то, что он был типичным мужчиной. Вот если выйти за такого человека, как Цзялинь, то ради него можно и со скалы прыгнуть! Особенно ей нравилось то, что он многое умел, даже писать для газет. Кроме того, был чистоплотным, аккуратно одетым – неважно, в старое или новое, и пахло от него туалетным мылом.

Она бесконечное число раз представляла себя вместе с этим человеком: как они, взявшись за руки, идут или бегут по весенним полям, по летним цветам, по осенним садам, по зимним заснеженным равнинам. И он, словно в кино, обнимает, целует ее...

Но в реальной жизни она боялась даже заговорить с Цзялинем. Девушка постоянно думала о нем и в то же время сторонилась его, боялась каким-нибудь неловким словом или жестом задеть человека, которого любила, вызвать его презрительный смех. И вместе с тем она не могла оторваться от него ни мыслями, ни взором.

Когда Цзялинь учился в последних классах школы, она думала, что он наверняка не достанется ей, улетит далеко-далеко, и все-таки продолжала любить с той же силой. По воскресеньям он возвращался домой, и девушка каждый раз под каким-нибудь предлогом сидела в своем дворе и смотрела на его двор. Если Цзялинь купался в заводе за деревней, Цяочжэнь брала корзину и шла туда же резать траву для свиней. А вечером она провожала юношу в город – разумеется, только взглядом, и ее глаза невольно наполнялись слезами, потому что ей казалось, что он больше не вернется в деревню.

Однажды он возвратился домой очень печальный – не поступил в университет, но Цяочжэнь чуть не обезумела от радости: у нее наконец появилась надежда – теперь Цзялинь станет крестьянином и, наверное, в жены выберет крестьянку. Хотя сама она и не образованна, но зато красива и сумеет влюбить в себя Цзялиня.

Однако вскоре эта надежда померкла: Цзялинь стал учителем, а эта должность давала ему большие привилегии перед другими деревенскими. Правда, работа была временной, но с его способностями он наверняка займет и постоянный пост.

Для Цяочжэнь снова начались муки. Она часто пряталась за старой акацией на их дворе и молча смотрела оттуда на школу, на тропинку, истоптанную учениками, видела, как Цзялинь идет по тропинке на уроки и возвращается с них... Никто в деревне не замечал ее мук и не мог замечать – ведь она была умной девушкой. Только ее младшая сестра Цяолин кое о чем догадывалась и иногда посмеивалась над страдальческим видом Цяочжэнь, а иногда, напротив, жалостливо вздыхала, глядя, как та застывает под своей акацией.

Сейчас Цзялинь опять превратился в крестьянина, и надежды девушки возродились с новой силой.

Всем сердцем она стремилась к Цзялиню. Вечера, увидев, что он идет купаться, она снова взяла корзину и пошла резать траву для свиней, а заодно прихватила дыньку со своего при-

усадебного участка. Сегодня она заметила, что он идет в город и последовала за ним на велосипеде. Ей действительно нечего было делать на базаре: поехала она только ради того, чтобы при случае поговорить с Цзялинем. Протискиваясь вслед за ним через толпу, она видела, как он прячется от людей, как стыдливо таскает свою корзину, ничего из нее не продав. А когда парень бессильно прислонился к бетонному столбу и закрыл глаза, у нее хлынули слезы, которые невозможно было вытереть никаким платком.

Потом Цзялинь зашел в читальню, и она поняла, что он окончательно отчаялся. Девушка хотела войти вслед за ним, но подумала, что это будет слишком неестественно – ведь она неграмотна; к тому же там люди, спокойно поговорить все равно не удастся. Тогда она поехала к мосту через Лошадиную ждать его, целых два часа ждала...

Теперь, с корзиной пампушек в руках, Цяочжэнь радостно шла по городским улицам и чувствовала, будто весь мир разом переменялся, просветлел. Все прохожие, казалось, улыбались ей.

Навстречу попалась стайка ребятишек, возвращавшихся из детского сада; она схватила одного из них и поцеловала.

Только дойдя до южного рынка, девушка остановилась и рассмеялась над собственной глупостью: ведь она собиралась вовсе не продавать эти пампушки, а отдать тетке, живущей в городе. Дом тетки отсюда гораздо севернее, так зачем она забрела сюда? Что же касается денег за пампушки, то Цяочжэнь давно приготовила их для Цзялиня, и тетку грабить не надо. Заодно она купила ему хороших сигарет, упрятав их в сумку на багажнике.

Девушка быстро повернулась и пошла к тетке. Там она поставила корзину с пампушками и объявила, что должна уходить. Тетка и ее муж старались оставить ее на обед, но она категорически отказалась, боясь, что Цзялинь заждался ее на мосту.

Вырвавшись наконец из дома тетки, Цяочжэнь с пустой корзиной заспешила к реке.

Глава пятая

Цзялинь, стоя на мосту, в конце концов объяснил все очень просто: Цяочжэнь – душевная девушка и к тому же его односельчанка. Увидела, что он не продал пампушек, и решила помочь. Крестьянские девушки часто ходят торговать на базар, для них это отнюдь не мучительное дело, как для него.

Солнце опускалось за бескрайние горы за рекой, на долину ложились серые тени, зелень в долине стала как будто темнее. На дороге, тихо вьющейся среди полевых, почти не осталось людей. Город был к юго-востоку отсюда, его тоже окутала голубая дымка, а с севера текла река Уездная, покрытая сверкающими вечерними бликами. На одной из ее отмелей с веселым смехом гонялись друг за другом голозадые ребяташки; городские женщины собирали с травы на лугу разноцветное выстиранное белье, сушившееся на солнце.

Цзялинь поглядывал на ближайшие улицы города и думал, что Цяочжэнь вряд ли удастся продать пампушки. Когда он наконец увидел ее почти бегущей, то еще больше утвердился в своей мысли – ведь после ухода девушки прошло совсем мало времени. Но Цяочжэнь, приблизившись, сунула ему в руку пачку денег со словами:

– Я продавала по полтора мао за штуку. Посчитай, правильно?

Парень удивленно взглянул на пустую корзину в ее руке, положил деньги в карман и, весь переполненный благодарностью, долго не знал, что сказать. Потом проговорил:

– Цяочжэнь, ты просто молодчина!

Девушка буквально расцвела от этой незамысловатой похвалы, даже глаза увлажнились.

– Дай мне корзину, – протянул руку Цзялинь, – и поезжай скорее домой, а то солнце вот-вот зайдет...

Но Цяочжэнь не отдала ему корзины, а повесила ее на руль велосипеда:

– Поедем вместе.

Цзялинь смутился. Ехать на велосипеде вместе с девушкой на глазах у всей деревни значило вызвать массу пересудов, но придумать удачный предлог, чтобы отказать Цяочжэнь, он тоже не мог. Наконец он соврал:

– Я не умею ездить вдвоем, боюсь уронить тебя!

– Тогда давай я тебя повезу, – Цяочжэнь решительно взялась за руль, ласково взглянула на Цзялиня и тут же стыдливо опустила голову.

– Нет, это уж совсем не годится... – еще больше растерялся парень, ероша себе волосы.

– Ну тогда пойдем пешком, а велосипед поведем!

Цзялинь был вынужден согласиться:

– Ладно, но велосипед поведу я.

– Нет, я! – Цяочжэнь легонько оттолкнула его руку. – Ты сегодня целый день ходил, устал, а я приехала на велосипеде, так что нисколько не устала.

Они отправились к своей деревне. На западном краю неба, как огромный красный цветок, полыхала заря. Горные вершины окрасились в бледно-оранжевый цвет, на долину опустилась густая черная тень, заметно похолодало. По берегам реки колосились кукуруза и гаолян – уже выше человеческого роста; цвели бобы, и в воздухе плыл их чистый тонкий аромат. Со склонов дальних гор спускались в долину овечьи стада, белеющие среди темной зелени. Летний вечер казался сегодня особенно спокойным.

Цзялинь и Цяочжэнь шли среди кукурузы и гаоляна, точно по таинственному зеленому коридору, который начисто отделил их от всего остального мира. Они шли друг за другом – красивые, молодые, и их сердца громко стучали.

Сначала они не разговаривали. Цяочжэнь вела велосипед, стараясь идти как можно медленнее, а Цзялинь шел еще медленнее, чтобы не оказаться совсем рядом с ней. Он испытывал

какое-то необычное душевное напряжение, потому что еще никогда не ходил наедине с девушкой по такой безлюдной дороге. А со стороны могло показаться, будто они спокойно гуляют.

Цзялинь смотрел на идущую впереди Цяочжэнь и с изумлением думал, что она даже красивее, чем он себе представлял. Ее высокая, стройная фигура с удивительно завершенными линиями напоминала белый тополек; одежда, хоть и не новая, была подобрана с большим вкусом: выцветшие голубые брюки, бледно-желтая кофточка с короткими рукавами, бежевые босоножки и такого же цвета носки. Казалось, она глядела только вперед, но на самом деле ничего там не замечала, а лишь безотчетно улыбалась и время от времени поглядывала назад, как будто желая что-то сказать ему. Потом снова стыдливо отворачивалась. Цзялинь внезапно вспомнил, что вроде бы видел похожую на нее девушку – на картине одного русского художника. Там тоже было зеленое поле, через него тропинка, а по тропинке шла стройная, словно росток, девушка в красной косынке и глядела вдаль...

Пока Цзялинь предавался этим мыслям, в душе Цяочжэнь все клокотало от радости, как во время весеннего половодья. Она впервые шла вместе с любимым, и это буквально опьяняло ее, погружало в невыразимое счастье. Именно о таком дне она мечтала много лет. Ее сердце бешено колотилось, руки сжимавшие велосипед, дрожали, все слова, которые она собиралась сказать, застряли в горле. А она хотела высказать сегодня решительно все, только ужасно стеснялась. Она нарочно замедляла шаг, чтобы совсем стемнело, и в то же время думала: нехорошо идти так молча, надо хоть о чем-нибудь заговорить. Снова обернувшись и не глядя на Цзялиня, она промолвила:

– Подлый все-таки человек Гао Минлоу, на любую пакость способен!

– Как ты можешь ругать его? – удивился юноша. – Он же твой родственник.

– Какой он мне родственник? – Девушка смело взглянула на Цзялиня. – Он свекор моей старшей сестры, а ко мне отношения не имеет!

– Ты и при сестре его ругаешь?

– Конечно! И в глаза ему то же самое сказала бы! – Цяочжэнь еще больше замедлила шаг, чтобы юноша поравнялся с ней. – Он же тебя из учителей выгнал, собственного сынка на твое место поставил, а ты его защищаешь! – И гневно остановилась.

Цзялиню тоже пришлось остановиться. Он видел, что Цяочжэнь сочувствует ему, и ее красивое лицо становилось от этого еще милее. Ничего не ответив, он вздохнул и двинулся вперед. Девушка догнала его, пошла с ним рядом.

– Ничего, небо знает, какие он дела творит, и оплатит ему! Ты не очень расстраивайся, а то за последнее время ты даже похудел... Ну, будешь крестьянином, и что? Крестьяне тоже люди! Не хуже этих кадровых работников. У нас тут и горы, и реки, и воздух чистый – семью хорошую создашь, и можно жить припеваючи...

Чем-то родным повеяло от этих слов. Цзялинь сейчас нуждался в сочувствии, ему было очень приятно говорить с ней о самом простом, и он пошутил:

– Я сейчас ни на гражданские, ни на военные подвиги не способен. Что толку от моего образования? Даже хорошим крестьянином быть не могу. Если заведу жену и детей, они, чего доброго, с голоду помрут!

Он невесело усмехнулся. Цяочжэнь вдруг снова остановилась и, вскинув голову, посмотрела прямо на юношу:

– Цзялинь, коли я тебе не противна, давай жить вместе! Ты будешь работать дома, а я в горах. Не пожалеешь, правда... – Она стыдливо отвернулась.

Цзялиню показалось, что вся кровь с гулом бросилась ему в лицо. Он изумленно глядел на Цяочжэнь и не знал, куда девать руки. В груди жгло, все тело напряглось.

Любовь? Неужели она приходит так внезапно? Юноша совсем не был готов к этому, он еще никого не любил. Сейчас он испытывал страх, смешанный с любопытством, и именно так глядел на девушку, стоявшую перед ним. Она стояла, по-прежнему опустив голову, как

маленький барашек, и почти прильнула к нему, он даже ощутил ее теплое дыхание. Ее фигурка, напоминавшая то росток, то белый тополек, и лицо в полутьме казались еще красивее. С трудом сдержав себя, он шепнул:

– Нехорошо так стоять на дороге. Уже стемнело, пойдем скорей!

Она кивнула и пошла. Юноша отобрал у нее велосипед и повел, на этот раз она не противилась. Оба долго молчали, потом Цзялинь спросил:

– Почему ты так неожиданно заговорила об этом?

– Неожиданно? – переспросила Цяочжэнь, подняв залитое слезами лицо. И она начала рассказывать – все, что пережила за эти годы, все без утайки...

Цзялинь слушал ее и чувствовал, что сам не может сдержать слез. Он был достаточно сильным мужчиной, но чувство Цяочжэнь уже захватило его, даже потрясло. Безотчетно начал он шарить по своей одежде. Цяочжэнь, видя это, засмеялась, утерла слезы и, достав из сумки на багажнике пачку сигарет, протянула ему. Юноша изумленно раскрыл рот:

– Как ты догадалась, что я ищу курево?

Она игриво улыбнулась:

– Догадалась, и все. Бери скорей! Я еще целый блок купила...

Цзялинь мгновенно забыл про сигареты и сделал шаг вперед, ласково глядя на девушку. Она тоже смотрела на него, потом быстро положила руки ему на грудь. Он прислонился своим разгоряченным лбом к ее горячему лбу и закрыл глаза, потеряв всякое представление о том, что происходит вокруг...

Когда они снова пошли рядышком по дороге, уже вошла луна. Под ее светом зеленая долина превратилась в сказочный мир: среди тихой ночи особенно отчетливо слышалось журчание реки. Впереди, в излучине, лежала их деревня, где им предстояло расстаться.

На развилке Цяочжэнь вытаскила из сумки блок сигарет и положила в корзину Цзялиня. Потом, опустив голову, прошептала:

– Милый, поцелуй меня еще раз!

Парень снова обнял ее, поцеловал и промолвил:

– Не говори своим. Запомни, об этом вообще никто не должен знать... И прошу тебя, чисти зубы...

Она кивнула в темноте:

– Хорошо, я всегда буду тебя слушаться...

– Тогда иди скорей домой. А если твои спросят, почему так поздно вернулась, что скажешь?

– Скажу, что к тетке ходила.

Цзялинь тоже кивнул и, забрав корзину, пошел к себе. Цяочжэнь с велосипедом отправилась по другой тропинке.

Когда юноша вошел в деревню, его вдруг охватило чувство раскаяния. Он жалел, что поддался страсти и вел себя так неосмотрительно, можно сказать, глупо. Если это будет продолжаться, то он наверняка превратится в крестьянина. Даже не подумав ни о чем, целовал девушку – это было крайне безответственно и по отношению к себе, и по отношению к Цяочжэнь. Сегодня он точно провел в своей двадцатичетырехлетней жизни какую-то роковую черту, навсегда распростился со своим непорочным прошлым. К радости это или к горю?

Родители, конечно, ждали его, сидя на кане. Ужин был готов, но они явно не притрагивались к палочкам для еды. Когда Цзялинь перешагнул порог, отец взволнованно сказал:

– Что ж ты так поздно? Уже давно стемнело, мы чуть не померли со страху!

Мать недовольно взглянула на отца:

– Парень в первый раз торговать ходил, сраму, поди, натерпелся, а ты его ругаешь! – И спросила сына: – Ну как, продал пампушки?

– Продал, – ответил Цзялинь и, достав деньги Цяочжэнь, протянул отцу.

Тот, попыхивая трубкой, поднес их к лампе, пересчитал худыми пальцами и сказал:

– Все точно. Завтра мать снова напечет пампушек, и снова понесешь. Это лучше, чем в горах вкалывать!

– Нет, я больше не стану заниматься торговлей! – замотал головой Цзялинь. – В горах буду работать...

Мать полезла в корзину с шитьем, стоящую в глубине кана, и достала оттуда письмо:

– Вот, дядя прислал. Почитай нам скорей!

Цзялинь вспомнил, что из-за этих проклятых пампушек забыл отослать письмо дяде – оно так и лежало у него в кармане. Взяв из рук матери дядино письмо, он придвинулся к лампе и начал читать вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.